

КРИТИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

ПРИНИМАЯ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ ВСЕРЬЕЗ: О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ОБНОВЛЕНИИ В МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В.С. Малахов

Владимир Сергеевич Малахов | <http://orcid.org/0000-0003-0154-5785> | vmalachov@yandex.ru | д. полит. н., директор Центра теоретической и прикладной политологии Института общественных наук | Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Вернадского 82, Москва, 119571, Россия)

Ключевые слова

трансационализм, трансллокальность, миграция, Россия, Средняя Азия

Аннотация

В первой части статьи реконструируются дискуссии вокруг концепции трансационализма, в том виде, как они велись в международной академии с начала 1990-х годов по 2010-е годы. Автор сосредоточивается на теоретических уязвимостях этой концепции, выявленных в ходе ее критики. Вместе с тем он ставит под сомнение утверждение критиков, согласно которому термин “трансационализм” описывает не новый предмет, а лишь новую оптику рассмотрения уже существовавшего предмета. Вторая часть представляет собой размышления вокруг русскоязычного коллективного труда, в котором предпринимается первая систематическая попытка применить инструментарий трансационализма к исследованию постсоветских миграций и, в частности, миграции из Средней Азии в Россию. По мнению автора, главное достоинство этого труда в том, что он позволяет осмыслить социальные изменения, происходящие под влиянием миграций, не прибегая к привычной теоретической рамке, а именно – концепции интеграции. Что касается теоретических дефицитов данной работы, то их автор усматривает в недостаточной рефлексии по поводу специфики постсоветского кейса.

Информация о финансовой поддержке

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации [соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-908]

Гуманитарная наука наших дней в чем-то напоминает современное искусство – ученые так же отчаянно борются за внимание публики и коллег, как и художники. Для современного художника удержать внимание зрителя на своем произведении более чем на 10–20 секунд равносильно удаче. А поскольку ученые-гуманитарии в той же мере находятся в ситуации интеллектуального

Статья поступила 11.03.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 07.04.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Малахов В.С. Принимаю трансационализм всерьез: о методологическом обновлении в миграционных процессах // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 223–233. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050128> EDN: IBLMIZ

Malakhov, V.S. 2022. Priniimaia transnatsionalizm vs'er'ez: o metodologicheskome obnovenii v migratsionnykh protsessakh [Taking Transnationalism Seriously: On Methodological Renewal in Anthropological Studies of Migrations. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 223–233. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050128> EDN: IBLMIZ

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <https://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

перепроизводства, в какой художники – в ситуации перепроизводства эстетического, то самый эффективный способ обратить на себя внимание собратьев по цеху – это предложить им новую концепцию. Или хотя бы новое понятие, за которым, как предполагается, стоит новая концепция. Коллеги реагируют на подобные новации с понятной осторожностью. Закономерно поэтому, что когда группа американско-британских социальных антропологов предложила концепт “транснационализм” (*Glick Schiller et al.* 1992a; *Bash et al.* 1994), реакция была двоякой. Одни охотно подхватили новый термин, другие встретили его с изрядной долей скепсиса. Впрочем, по прошествии десятилетия транснациональный подход столь прочно утвердился в миграционных исследованиях, что вдумчивые авторы стали предупреждать от опасности семантической инфляции. Как бы то ни было, в западной академии примерно в середине нулевых транснационализм стал мейнстримом. Едва ли не каждая из выходящих в ту пору публикаций на миграционную тему включала в свое название соответствующую терминологию (*Briggs et al.* 2008). В отечественном миграциеведении ситуация долгое время была иной. Первые работы, учитывающие произошедший в академическом сообществе транснациональный поворот, относятся к началу первого десятилетия нынешнего века. В те годы “методологический транснационализм” практиковался лишь отдельными российскими учеными (*Бредникова, Ткач* 2010; *Абашин* 2012; *Абашин* 2016б; *Бредникова* 2017). Прорыв произошел совсем недавно. В 2021 г. вышел сборник статей под редакцией О. Бредниковой и С. Абашина, отражающий результаты лонгитюдного совместного проекта с участием исследователей из России, Кыргызстана, Великобритании и Швеции (*Бредникова, Абашин* 2021).

В первой части настоящей статьи речь пойдет о теоретическом содержании парадигмы транснационализма в миграциеведении и о ее восприятии в академическом сообществе. Во второй части мы подробно остановимся на вышеупомянутом коллективном труде.

Транснациональная парадигма в миграционных исследованиях: протагонисты и критики

Подход, господствовавший в миграционных исследованиях вплоть до 1980-х годов, был нациоцентричным, или государствоцентричным. В обыденном сознании такой подход и сегодня остается доминирующим. На миграции смотрят сквозь призму национального государства. Соответственно, мигранты воспринимаются как представители одного государства (“посылающей/отдающей страны”) на территории другого государства (“принимающей страны”). Далее все зависит от презумпций наблюдателя. От мигрантов либо ожидают растворения в социальном окружении – постепенной утраты культурной отличительности и отмирания связей с родиной (парадигма ассимиляции), либо, напротив, видят в них “диаспору”, как пуповиной прикрепленную к стране происхождения мигрантов и обреченную оставаться культурно чуждым вкраплением в теле нации. Парадигма транснационализма призвана преодолеть односторонность каждого из этих подходов. Она предлагает такой взгляд на мигрантов, который учитывает их одновременное присутствие в двух пространствах. Это люди, которые говорят на двух языках, живут на два дома, сочетают в своей повседневности два (или более) различных паттерна поведения и поддерживают устойчивые связи – экономические, социальные, культурные – и в среде своего настоящего проживания, и с соотечественниками на родине.

Иными словами, новый подход смещает фокус анализа с национально-го уровня на транснациональный, что позволяет изучать явления, прежде

ускользавшие от внимания аналитиков: транснациональные социальные поля, транснациональный опыт, транснациональные идентичности и т.д. Как уже говорилось, в эвристическом потенциале этого подхода в наши дни мало кто сомневается. Между тем, в свое время он натолкнулся на достаточно суровую критику.

Выдвинутые тогда контраргументы скептического характера можно суммировать следующим образом.

Контраргумент первый: сомнения в новизне феномена. В самом деле, протагонисты термина “транснационализм” указывают на две черты этого явления: интенсивные контакты мигрантов со страной исхода и активность этой страны в поддержании связей со своими экспатами. Однако оба эти феномена, строго говоря, не новы. Да, современные технологии сыграли свою роль, и в наши дни связи мигрантов со страной происхождения могут быть гораздо более интенсивными, чем в прошлом. Но это скорее количественные, чем качественные изменения, говорят скептики. Активная переписка с родственниками и друзьями на родине, регулярное чтение газет, доставлявшихся с родины, возвратная миграция (особенно итальянская из США) – все эти приметы связей мигрантов со страной происхождения наблюдались уже накануне Первой мировой войны (Foner 2007). Что касается государственного аппарата страны происхождения, то можно привести обильные свидетельства того, сколь активно он вел себя в отношении своих эмигрантов. Так, немецкое правительство в 1880-е годы, считая выходцев из Германии своими гражданами, активно субсидировало в США немецкоязычные газеты и журналы, этнические ассоциации, почтовую службу. Аналогичным образом вела себя в те годы Италия, а позднее – возникшая в 1918 г. Польша.

Контраргумент второй: масштабы явления преувеличены. Скептики указывают на то обстоятельство, что большинство современных мигрантов вряд ли вписываются в “транснациональный” образец поведения (Castles et al. 2014: 41–43). Во-первых, львиная их доля вовлечена во *временную* трудовую миграцию. Но временные мигранты не становятся трансмигрантами оттого, что, находясь в течение некоторого срока в другой стране, посылают домой деньги и при случае навещают семью. Во-вторых, среди мигрантов, поселившихся на постоянное жительство, больше тех, кто сохраняет со страной происхождения лишь спорадические связи. Стало быть, паттерну транснационализма эти люди не соответствуют. Они не участвуют в трансграничной активности, будь то активность экономическая или культурная (не говоря уже о политической) и не формируют транснациональных сообществ. Гуарнизо, Портес и Халлер, отталкиваясь от имевшихся к концу 1990-х исследований колумбийских, сальвадорских и доминиканских мигрантов в США, делают вывод, что лишь меньшинство из них вовлечено в деятельность, которую можно назвать транснациональной (Guarnizo et al., 2003).

Короче говоря, людей, людей, демонстрирующих распространение транснационального паттерна, относительно немного. Этот паттерн предполагает “жизнь в двух мирах” – *связи примерно одной интенсивности в обеих странах*. Однако у большинства временных мигрантов сильные связи на родине, и слабые в принимающей стране, тогда как у большинства постоянных мигрантов, напротив: более сильные в принимающей стране, и более слабые в стране исхода.

Контраргумент третий: используемым понятиям недостает определенности. То, что протагонисты новой парадигмы стали называть “транснациональными сообществами”, еще недавно именовали “диаспорами”. Но и то, и другое остается пустым термином до тех пор, пока он не конкретизирован. Из кого состоят транснациональные сообщества? Сам термин приглашает

представить членов этого сообщества как людей с иным – открытым, наднациональным, космополитическим – типом сознания. Но если присмотреться, далеко не все члены этих сообществ могут быть названы носителями подобного сознания. Среди них немало этноцентрично настроенных людей и даже адептов агрессивного этнического национализма (*Appadurai* 1991). Иными словами, не следует вкладывать в понятие “транснациональное сообщество” приятный исследователям смысл. Сети, формируемые мигрантами, ведут к созданию “воображаемых сообществ” *самого разного рода*. Большинство из них никоим образом не является прообразом “транснационального гражданского общества”. Это партикулярные сообщества, основанные на партикулярных лояльностях и идентичностях.

Контраргумент четвертый: опасность недооценки значения институтов национального государства. Мигрантские сообщества не создаются мигрантами непосредственно – огромную роль в формировании этих сообществ играет государство. Государство принимающее, с одной стороны, и государство отдающее, с другой, задают условия, структурируют опции, в рамках которых разворачивается деятельность мигрантов (*Waldinger, Fitzgerald* 2004).

В ходе дальнейшей дискуссии постепенно сложился консенсус относительно следующих положений.

(а) Масштаб явления требует уточнений, что возможно лишь в ходе дальнейших исследований, причем исследований лонгитюдных, охватывающих периоды длиной в жизнь, по меньшей мере, двух поколений.

(б) Роль, которую играют в создании транснациональных сетей национальные государства, требует внимательного изучения.

(в) Следует различать “транснационализм снизу” и “транснационализм сверху”.

(г) Формы бытования транснационализма (будь то практики или идентичности) контекстуальны; все зависит от конкретных страновых и региональных условий (в том числе от условий въезда и выезда, а также ожиданий мигрантов).

(д) Транснациональная активность не ограничивается экономикой и политикой – немалое значение имеют религиозная и культурная сферы (связи по линии науки, искусства, спорта и т.д.) (*Dahinden* 2017).

Ретроспективно прослеживая ход тогдашней дискуссии, я бы хотел обратить внимание на два обстоятельства. Первое касается адресации. Если адресатом прозвучавшей критики выступает весь поток публикаций, вышедших под эгидой транснационализма, то критика, на мой взгляд, совершенно справедлива (кроме одного аргумента, на котором я остановлюсь ниже). Если же адресат – коллектив антропологов, выступивших с проектом транснационализма в начале 1990-х, то надо сказать, что этот проект отличался продуманностью и сбалансированностью, так что многие из приведенных выше возражений к нему просто не могут быть предъявлены. В частности, Нина Глик Шиллер и ее коллеги никогда не утверждали, что национальные государства не играют никакой роли в формировании транснациональных взаимодействий. Они предлагали изучать факторы (структурные и культурные), обуславливающие такие взаимодействия (*Glick Schiller et al.* 1992b: ix-xv). Кроме того, в фокусе их анализа – не транснациональные *сообщества*, а транснациональные социальные *поля*. Формулируя свою исследовательскую программу, коллектив американско-британских антропологов скорее ставит вопросы, чем выносит однозначные суждения. Они, к примеру, начинают презентацию своего проекта с того, что предлагают поразмышлять, представляет ли транснационализм новый *предмет* или лишь новый *способ рассмотрения* предмета (*Ibid.*: ix).

Второе обстоятельство касается как раз этого вопроса. Когда А. Портес с со-

авторами спустя семь лет отвечают на него, говоря, что дело не в новом предмете исследования, а в новой оптике (*Portes et al.* 1999), с ними можно поспорить. В самом деле, нечто очень похожее на транснациональные формы коммуникации можно разглядеть в жизни мигрантов последней трети XIX в. Но только ли о количественных изменениях, произошедших за сто с лишним лет, следует вести речь? Или здесь наблюдается то, что называется переходом количества в качество? Ведь одно дело – письмо на родину, ответа на которое нужно было ждать четыре недели, и другое дело – смартфон, благодаря которому мигрант может поддерживать связь с партнерами по бизнесу в стране происхождения в ежечасном и даже ежеминутном режиме. Разве мы не имеем здесь дело с новым типом активности, т.е. с феноменом, которого раньше не было? Далее. Одна ситуация – печатная пресса, привозившаяся через Атлантику с родины мигрантов, и другая ситуация – интернет, позволяющий создавать в строгом смысле слова транснациональные медиа. Разве вместе с новыми технологиями не формируется новая социальная и культурная среда?

Среднеазиатские мигранты в России сквозь призму транснационализма

Обратимся теперь к труду под редакцией С. Абашина и О. Бредниковой (*Бредникова, Абашин* 2021). Перед нами сборник статей, довольно сильно различающихся по жанру. Одни представляют собой завершённые эссе с ясным набором тезисов, защищаемых в ходе изложения. Другие – фрагменты более крупных произведений, в том числе главы диссертаций, над которыми в данный момент работали авторы. Тексты организованы в виде шести тематических блоков, по две статьи в каждом. Первый блок посвящён анализу опыта и практик жизни в миграции как одновременного существования в двух мирах (статьи Мадлен Ривз и Ольги Бредниковой). Второй – транснациональной семье (статья Медины Айтиевой о денежных переводах из Якутска в России в Нарынскую область в Кыргызстане и статья Елены Борисовой о детях из семей мигрантов из северного Таджикистана). Третий – транснациональным идентичностям (статья Эмиля Насритдинова и Руслана Рахимова о кыргызских трудовых мигрантах в России и статья Александры Алексеевой о памирцах в России). Четвёртый тематический блок сдвигает фокус внимания с мобильности людей на мобильность вещей (статья Сергея Абашина о мигрантском автомобиле и статья Веры Пешковой о “подарках”, “сувенирах” и “дарах”). Следующий блок составляют исследование Екатерины Деминцевой и Даниила Кашницкого о “киргизских клиниках” в Москве и исследование Екатерины Капустиной о дагестанцах на заработках в Западной Сибири (поскольку дагестанцы являются россиянами, в силу чего под рубрику транснационализма не попадают, на помощь приходит понятие “транслокальность”). Завершает сборник блок о роли, которую играют в становлении транснациональных сообществ новые коммуникационные технологии, а именно, мобильные телефоны (исследования Рустама Уринбоева на примере узбекских, а Софьи Касымовой – на примере таджикских мигрантов в России). Этому корпусу текстов предшествует введение, также состоящее из двух статей. Первая представляет собой обзор западных академических дискуссий о транснационализме как парадигме в миграционных исследованиях (авторы Е. Капустина и Е. Борисова), вторая – общую характеристику миграционных потоков из Средней Азии в постсоветскую Россию (автор С. Абашин).

Несомненно, что в этом обилии материала “всяк найдет свое” – в зависимости от мотиваций и научных интересов. Отмечу ряд моментов, которые мне показались особенно нетривиальными.

Книга позволяет мигрантоведам на практике, а не просто на уровне деклараций, сменить угол зрения. Ведь привычная (и, разумеется, поощряемая чиновниками и грантодателями) перспектива обращения к миграционной проблематике – это перспектива интеграции (включения мигрантов в принимающее сообщество). Однако в такой перспективе не видно реальных процессов. Что происходит в мигрантской семье, насколько многообразны и изменчивы избираемые людьми стратегии адаптации к окружению (кстати, тоже изменчивому), как на этих стратегиях сказывается пол и возраст – в текстах сборника все эти вопросы получают систематическую разработку.

Авторы показывают читателям специфику мигрантского опыта как опыта в строгом смысле слова транснационального. Такой опыт предполагает постоянное переключение систем референции. Снять платок, надеть платок (и снова снять) в зависимости от того, в какой городской локальности находится в данный момент женщина. Существовая одновременно в двух (или более) системах координат, мигранты вырабатывают на удивление гибкие формы самосознания и самопозиционирования – особый габитус (О. Бредникова [Там же: 71–105]). Эти же особенности транснационального габитуса фиксирует А. Алексеева: “в разные моменты интервью мигранты переключались с одного типа нарратива на другой”, не видя в этом противоречия (речь шла о сосуществовании в ответах респондентов трех нарративов: “останусь в России”, “вернусь домой”, “поеду в другую страну”). “Это связано с тем, что их желания множественны и часто одно желание вступает в конфликт с другим” (Там же: 241).

Тексты книги убедительно демонстрируют, в какой мере несостоятельны экономцентричные представления о движущих силах миграционных процессов. Экономическая рациональность – далеко не единственная из тех, что определяют человеческое поведение вообще и поведение людей, решившихся на миграцию в другую страну, в частности. Потребность в “осмысленной и честной жизни” (М. Ривз), а также стремление преумножить символический капитал в его разных формах (О. Бредникова, С. Абашин, В. Пешкова) имеет не меньшее значение, чем материальные соображения. А вот пример из статьи Э. Насритдинова и Р. Рахимова о кыргызстанских мигрантах в России. Мужчина, работающий сантехником в престижном доме, живет вместе с женой, сестрой жены и тремя детьми в помещении площадью 9 кв. метров (sic!) – имея прекрасный дом в центре Бишкека. Его зарплата в Москве невысока, но он, тем не менее, твердо настроен жить именно здесь. Почему? Москва – культурный центр, с которым респондент связывает будущее своих детей.

Есть такое понятие в литературе по миграции, как *social remittances*, о котором напоминает читателям Р. Уринбоев. В отличие от денежных переводов (*remittances*) это социальные вложения. “Мигранты привозят домой не только деньги, подарки, вещи, но и новые знания, идеи, ценности и нормы, то есть осуществляют социальный обмен (*social remittances*)” (Там же: 448).

В российской литературе до сих пор слабо изучено участие женщин в постсоветской миграции – о ее гендерных аспектах можно прочесть разве что в работах демографов и экономистов. Поэтому обращение антропологов к такой теме, как гендерное измерение социального контроля – многообещающая исследовательская перспектива. В сборнике эта тема поднимается Е. Борисовой. Она отмечает тот факт, что гендерная сегрегация (навязывание женщинам строго определенных социальных ролей и моделей поведения) издавна служила инструментом воспроизводства патриархального порядка. Об этом мы более или менее осведомлены. Но вот неожиданное наблюдение автора. Этот порядок в советское время подвергся частичному разрушению (тому способствовало среди прочего введение совместного обучения мальчиков и девочек). Однако по

мере разрушения “внешнего” патриархата усиливается патриархат “внутренний”, а именно, социальный контроль со стороны семьи и сообщества. “Неподобающее” поведение женщин, особенно молодых, чревато жесткими моральными санкциями. Инструменты контроля – неформальные институты “чести” и “позора” (правда, границы допустимого постепенно расширяются).

Еще одна важная находка, поджидающая читателя в тексте Е. Борисовой – обращение к такому предмету изучения, как дети из мигрантских семей. До сих пор дети рассматривались как “багаж” при взрослых мигрантах. Они были лишены субъектности. Даже если в ходе исследования на них обращают внимание, за них говорят родители. Их голоса не слышны. Между тем дети мигрантов – в том числе и не вовлеченные в миграцию непосредственно (т.е. оставленные на родине) – затронуты миграционной динамикой. Будучи членами семьи, в которой родители или иные члены подолгу живут в России, они могут овладевать – и овладевают – несколькими культурными репертуарами. Они – и патриоты своей страны, и “туристы”, в своем воображении уже посетившие Россию и знающие, как она выглядит, и будущие студенты, представляющие свою будущую карьеру связанной с обучением в российском вузе.

И наконец последнее, но тем не менее немаловажное – обращение авторов сборника к вопросу о постсоветской специфике. Этот вопрос мне представляется столь важным, что заслуживает отдельного параграфа.

Постсоветская констелляция?

Значимость теоретического предприятия, инициированного редакторами и составителями этого сборника, трудно переоценить. Попытка взглянуть на среднеазиатских мигрантов в России сквозь призму транснационализма – это не механический перенос методологии, возникшей и апробированной в англоязычном пространстве, на постсоветскую почву. И деепричастие “переосмысления” в названии сборника, хочется верить, употреблено не для красного словца. Переосмысление в данном случае предполагает систематическую рефлексию по поводу специфики постсоветского случая. В какой мере выходцы из стран Средней Азии, приезжающие в Россию, могут рассматриваться по аналогии, скажем, с выходцами из Пакистана в Великобритании или выходцами из Магриба во Франции? (Я намеренно взял два случая постколониальной миграции, ибо возможности и границы применения концептуального аппарата “постколониализма” к постсоветскому кейсу – вопрос открытый [Абашии 2016а].)

Вопрос о постсоветской специфике затрагивается в отдельных статьях сборника. Затрагивается косвенно, ибо в центре внимания авторов находятся иные предметы. Так, А. Алексеева, изучающая мигрантов-памирцев в России, обращает внимание на одну ее важную черту, которой не существует в случае миграции из Таджикистана в Турцию или Китай. Это культурная общность с россиянами, обусловленная и недавней историей, и сходным опытом социализации, и активным присутствием российского “инфотейнмента” в информационном пространстве стран постсоветской Средней Азии. Одна из характерных форм самосознания и стратегий поведения памирцев (хотя, разумеется, не единственная) – идентификация себя с Россией и стремление укорениться в российском обществе. Особенно это свойственно людям старшего поколения с высшим образованием. Респондент-мужчина из Таджикистана, 40 лет, историк, сообщает исследователям: “Я всегда говорил, что дальше России я никуда не собираюсь... Россия как магнит притягивает” (Там же: 242). Миграция в “дальнее зарубежье” воспринимается респондентами иначе¹.

Пожалуй, наиболее выпукло проблематика особенностей постсоветской миграционной ситуации проявляется в статье М. Ривз. Исследовательница, изучая киргизских мигрантов в России, обращает внимание на *инерцию социалистической этики труда* – этики, которую граждане Кыргызстана усвоили в советский период своей истории, и которую разделяют и мигранты, и их соотечественники, оставшиеся на родине. Труд (честная и добросовестная работа) в их понимании – ценность в себе, а не инструмент. В этой связи британский антрополог полемизирует с Фрэнсис Пайн (F. Pine), согласно которой миграция убивает осмысленный труд, низводит его до чисто инструментальной составляющей. Киргизские мигранты в России, выступавшие респондентами М. Ривз, убеждены (и доказывают это в повседневности), что труд во имя общественного блага – особая моральная ценность. И эта ценность, повторимся, пришла к ним из их прошлого, из жизни их страны в социокультурном пространстве СССР.

В заключение позволю себе ряд критических замечаний, которые, надеюсь, помогут отшлифовать книгу в последующих изданиях (тираж в 1000 экземпляров разоидется быстро).

На случай второго издания

На мой взгляд, авторам свойственно несколько чрезмерное увлечение риторикой транснационализма. Термины из соответствующего словаря иногда употребляются без достаточных на то оснований. Наиболее очевидный казус такого рода – терминология в статье Е. Капустиной. Здесь трансмигрантами называются дагестанцы, курсирующие между родным селом и городами ХМАО (Там же: 383, 393).

Не всегда выглядят обоснованными отдельные теоретические ходы. Так, в статье М. Ривз говорится об особой интенсивности, которую приобрели в современной России практики расиализации мигрантов. В доказательство приводится мнение Н. Захарова, согласно которому эти процессы “способны уменьшить самые актуальные проблемы в России” (Там же: 68). На чем это мнение базируется, не совсем понятно. Замерялась ли интенсивность расиализации среднеазиатских мигрантов в России, в сравнении, скажем, с расиализацией пуэрториканцев в США или непальцев в Саудовской Аравии? К тому же в тексте самой М. Ривз приведен обильный материал, скорее противоречащий столь категоричному утверждению, чем его верифицирующий. Информанты из Кыргызстана, с которыми работала автор, безусловно, сталкивались и с расово мотивированной дискриминацией, и с бытовой ксенофобией. Но эти самые информанты с юмором рассказывали исследовательнице о том, как научились преодолевать предубеждения со стороны окружения, и с гордостью – о том, что их русские соседи часто проявляют по отношению к ним больше доверия, чем к русским.

Наконец, мне бросились в глаза некоторые стилистические и орфографические неточности. В статье В. Пешковой читаем: “чтобы иммигрировать в другую страну”. Вообще-то другую страну можно только эмигрировать. В обзорной статье Е. Борисовой и Е. Капустиной вместо “транснационализм” фигурирует “традиционализм” (явный промах технических редакторов и корректоров). В уже упомянутой статье В. Пешковой “циркулирует... воспроизводство социальных отношений”. Между тем социальные отношения могут воспроизводиться, но не циркулировать. А в статье Е. Капустиной нас поджидает странное выражение “трансграничная трансгрессия” (Там же: 378). Непонятно, зачем автору такой лексический монстр (особенно учитывая, какую нагрузку получил термин “трансгрессия” во французской философии, вдохновленной Ж. Батаем).

И последняя мелочь, к которой не могу не придраться: немецкий исследователь Томас Файст выступает в тексте как Т. Фэйст (Там же: 22, 25).

Но – позволю себе стилистическое клише – отмеченные недостатки никоим образом не умаляют высокого качества этой книги. Нет сомнений, что она вносит весомый вклад в углубление и нюансировку наших знаний о связанных с миграцией трансформациях постсоветских обществ, – как общества принимающего (в данном случае, российского), так и обществ отдающих (в данном случае – среднеазиатских).

Примечания

¹ Уместно привести здесь наблюдение Р. Уринбоева, сделанное им в ходе полевых исследований узбекских мигрантов в Стамбуле. Его респонденты были вынуждены переориентироваться на Турцию по причине запрета на въезд в Россию (что стало последствием резкого ужесточения российского миграционного законодательства в 2013–2014 гг.). Однако многие из них высказывали твердое намерение при первой возможности вернуться в Россию. Причина – их несподручимо бóльшая культурная компетентность и local knowledge в России по сравнению с Турцией (Urinboev 2021: 81–82).

Научная литература

- Абашиин С. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- Абашиин С. Советское = колониальное? (За и против) // Понятия о советском в Центральной Азии. Альманах Штаба № 2 / Сост., ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек: Штаб-Press, 2016а. С. 28–48.
- Абашиин С. И здесь, и там: транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры / Ред. С. Панарин. СПб.: Нестор-История, 2016б. С. 159–176.
- Бредникова О. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32–47.
- Бредникова О., Абашиин С. (ред.) “Жить в двух мирах”: переосмысляя транснационализм и транслокальность. М.: НЛЮ, 2021.
- Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 72–95.
- Appadurai A. Global Ethnospaces: Notes and Queries for a Transnational Anthropology // Recapturing Anthropology / Ed. by R.G. Fox. Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1991. P. 191–210.
- Bash L., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments and Deterritorialized Nation-States. Amsterdam: Gordon & Breach, 1994.
- Briggs L., McCormick G., Way J.T. Transnationalism: A Category of Analysis // American Quarterly. 2008. Vol. 60 (3). P. 625–648.
- Castles S., de Haas H., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
- Dahinden J. Transnationalism reloaded: the historical trajectory of the concept // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40 (9). P. 1474–1485.
- Foner N. Engagements Across National Borders: Then and Now // Forham Law Review. 2007. Vol. 75(5). P. 2483–2492.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. Towards a Transnational Perspective

- on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1992a. Vol. 645(1). P. 1–24.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. Towards a Definition of Transnationalism: Introductory Remarks and Research Questions // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1992b. Vol. 645(1). P. ix–xv.
- Guarnizo L.E., Portes A., Haller W. Assimilation and Transnationalism: Determinants of Transnational Political Action among Contemporary Migrants // *American Journal of Sociology*. 2003. Vol. 108 (6). P. 1211–1248.
- Portes A. Conclusion: Towards a New World – the Origins and Effects of Transnational Activities // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22 (2). P. 463–477.
- Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promises of Emergent Research Field // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22 (2). P. 217–237.
- Urinboev R. Migration and Hybrid Political Regimes: Navigating the Legal Landscape in Russia. Oakland, California: University of California Press, 2021.
- Waldinger R., Fitzgerald D. Transnationalism in Question // *American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 109 (5). P. 1177–1195.

Review Article

Malakhov, V.S. Taking Transnationalism Seriously: On Methodological Renewal in Anthropological Studies of Migrations [Prinimaia transnatsionalizm vser'ez: o metodologicheskom obnovenii v migratsionnykh protsessakh]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 5, pp. 223–233. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050128> EDN: IBLMIZ ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vladimir Malakhov | <http://orcid.org/0000-0003-0154-5785> | vmalachov@yandex.ru | Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, School of Public Policy (82 Vernadsky prospekt, Moscow, 119571, Russia)

Keywords

transnationalism, translocality, migration, Russia, Central Asia

Abstract

The first part of the article reconstructs the international academic debate on the concept of transnationalism, conducted from the early 1990s to the 2010s. I focus on the theoretical vulnerabilities of this concept and question the critics' claim that the term transnationalism does not refer to a new subject, but rather to a new perspective on an already existing subject. The second part is a reflection on the recently published collective work that makes the first systematic attempt to apply the instruments of transnationalism to research on post-Soviet migrations and, in particular, migrations from Central Asia to Russia. The main advantage of this work, as I argue, is that it enables scholars to analyze the social changes related to migrations without resorting to the usual theoretical framework – namely, to the concept of “integration”. As for the theoretical deficiencies of this work, they result, in my view, from insufficient reflection on the specifics of the post-Soviet case.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [075-15-2020-908]

References

- Abashin, S. 2012. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.
- Abashin, S. 2016. Sovetskoe = kolonial'noe? (Za i protiv) [Soviet = Colonial? (Pros and Cons)]. In *Poniatiiia o sovetskom v Tsentral'noi Azii. Al'manakh Shtaba № 2* [Concepts of the Soviet in Central Asia. Shtab Almanac No. 2], edited by G. Mamedov, O. Shatalova, 28–48. Bishkek: Shtab-Press.
- Abashin, S. 2016. I zdes', i tam: transnatsional'nye aspekty migratsii iz Tsentral'noi Azii v Rossiiu [Both Here and There: Transnational Aspects of Migration from Central Asia to Russia]. In *Vostok na Vostoke, v Rossii i na Zapade: transgranichnye migratsii i diaspory* [East in the East, in Russia and in the West: Cross-Border Migrations and Diasporas], edited by S. Panarin, 159–176. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Appadurai, A. 1991. Global Ethnospaces: Notes and Queries for a Transnational Anthropology. In *Recapturing Anthropology*, edited by R. Fox, 191–210. Santa Fe, NM: School of American Research Press.
- Bash, L., N. Glick Schiller, and C. Szanton Blanc. 1994. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments and Deterritorialized Nation-States*. Amsterdam: Gordon & Breach.
- Brednikova, O. 2017. (Ne)vozvrashchenie: mogu li migranty stat' byvshimi? [Non-Return: Can Migrants Be Ex?]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 32–47.
- Brednikova, O., and S. Abashin, eds. 2021. “Zhit' v dvukh mirakh”: pereosmysliia transnatsionalizm i translokal'nost' [“Living in Two Worlds”: Rethinking Transnationalism and Translocality]. Moscow: NLO.
- Brednikova, O., and O. Tkach. 2010. Dom dlia nomady [What Home Means the Nomad]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovanii* 3: 72–95.
- Briggs, L., G. McCormick, and J.T. Way. 2008. Transnationalism: A Category of Analysis. *American Quarterly* 60 (3): 625–648.
- Castles, S., H. de Haas, and M.J. Miller. 2014. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Dahinden, J. 2017. Transnationalism Reloaded: the Historical Trajectory of the Concept. *Ethnic and Racial Studies* 40 (9): 1474–1485.
- Foner, N. 2007. Engagements Across National Borders: Then and Now. *Forham Law Review* 75 (5): 2483–2492.
- Glick Schiller, N., L. Basch, and C. Blanc-Szanton. 1992. Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered. *Annals of the New York Academy of Sciences* 645 (1): 1–24.
- Glick Schiller, N., L. Basch, and C. Blanc-Szanton. 1992. Towards a Definition of Transnationalism: Introductory Remarks and Research Questions. *Annals of the New York Academy of Sciences* 645 (1): ix–xv.
- Guarnizo, L.E., A. Portes, and W. Haller. 2003. Assimilation and Transnationalism: Determinants of Transnational Political Action among Contemporary Migrants. *American Journal of Sociology* 108 (6): 1211–1248.
- Portes, A. 1999. Conclusion: Towards a New World – the Origins and Effects of Transnational Activities. In *Ethnic and Racial Studies* 22 (2): 463–477.
- Portes, A., L.E. Guarnizo, and P. Landolt. 1999. The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promises of Emergent Research Field. In *Ethnic and Racial Studies* 22 (2): 217–237.
- Urinboev, R. 2021. *Migration and Hybrid Political Regimes: Navigating the Legal Landscape in Russia*. Oakland, California: University of California Press.
- Waldinger, R., and D. Fitzgerald. 2004. Transnationalism in Question. *American Journal of Sociology* 109 (5): 1177–1195.